

Д. Д. ТУМАРКИН

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ГАВАЙЦАХ

В июле 1819 г. из Кронштадта в кругосветное плавание вышли шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный». Главной целью этой экспедиции, руководимой капитан-лейтенантом М. Н. Васильевым (1770—1847), было отыскание морского пути из Тихого океана в Атлантический через Северный Ледовитый океан. Эта задача осталась нерешенной. Но экспедиция Васильева все же внесла свой вклад в решение данной проблемы. Она открыла в Беринговом море остров Нунивак и, проникнув в Северный Ледовитый океан, описала большой участок арктического побережья Америки. Находясь в Тихом океане, корабли экспедиции дважды (в марте — апреле и ноябре — декабре 1821 г.) посетили Гавайские острова.

По возвращении «Открытия» и «Благонамеренного» в Кронштадт (август 1822 г.) в русских газетах и журналах появились сообщения, высоко оценивавшие как научные результаты экспедиции, так и мореходное искусство и мужество ее участников. Поэт Д. И. Хвостов воспел это кругосветное плавание в поэме. Однако отчет об экспедиции Васильева не был опубликован, и долгое время считалось, что ее подробного описания не существует.

Дело в том, что Васильев по возвращении в Россию не получил длительного отпуска, необходимого для написания труда о возглавлявшейся им экспедиции, а был вскоре назначен на ответственную командную должность в Кронштадт. В одном из документов, хранящихся в Центральном Государственном архиве военно-морского флота в Ленинграде (ЦГАВМФ) (ф. 205, д. 644, л. 5)¹, прямо говорится, что «Васильев... отозвался неимением времени для описания сего достопамятного путешествия». Тогда за этот труд взялся А. П. Лазарев, брат известного мореплавателя, участвовавший в экспедиции 1819—1822 гг. в качестве лейтенанта на шлюпе «Благонамеренный».

В 1830 г. Лазарев закончил описание экспедиции и представил свое сочинение начальству. Но председатель ученого комитета морского штаба Л. И. Голенищев-Кутузов отказался одобрить полученную рукопись, сославшись на необходимость детальной проверки сообщаемых сведений и внесения в нее некоторых добавлений. В результате труд Лазарева пролежал четырнадцать лет без движения, а затем был взят обратно автором (ф. 162, д. 44, лл. 29—49).

Почти одновременно с рукописью Лазарева в ученый комитет морского штаба поступили записки о той же экспедиции от бывшего мичмана шлюпа «Благонамеренный» К. К. Гиллесема. По предложению председателя комитет уклонился от одобрения к этой рукописи, предъявив автору невыполнимые требования (ф. 205, д. 258, лл. 1—17). Лишь в 1849 г. сокращенный вариант записок Гиллесема был опубликован в журнале «Отечественные записки» (№ 10—12). Приноровленный к вкусам тогдашнего читателя, этот вариант получился довольно поверхностным, а потому научная ценность его весьма невелика².

В 1948 г. в Смоленском государственном областном архиве была обнаружена неизвестно как попавшая туда упомянутая выше рукопись Лазарева. В 1950 г. она была издана отдельной книгой³. В отличие от Гиллесема, рассказавшего только о части плавания на «Благонамеренном», Лазарев, опираясь на собственный дневник

¹ В дальнейшем в тексте указываются только фонд, дело и лист.

² Полный текст сочинения Гиллесема пока обнаружить не удалось. Известно лишь, что в 1831 г. рукопись была возвращена автору, который к тому времени вышел в отставку и поселился в Риге. В деле о рассмотрении указанной рукописи в ученом комитете морского штаба сохранилось подробное оглавление ее первой части. Ознакомление с этим документом позволило установить, что журнал «Отечественные записки» в 1849 г. опубликовал сокращенный вариант работы Гиллесема. В нем отсутствуют главы и части глав, имевшиеся в первоначальной рукописи (ф. 162, д. 44, л. 18, ф. 205, д. 258, л. 17).

³ А. П. Лазарев, Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах, М., 1950, 475 стр.

и вахтенные журналы обоих шлюпов, составил систематическое описание экспедиции с самого ее начала до возвращения в Кронштадт. В работе приводятся много интересных данных по географии и морскому делу, рассказывается о посещенных местах и встречах с их обитателями, но, к сожалению, содержится мало этнографических наблюдений (исключение составляет довольно подробное описание культуры и быта оленных чукчей).

В качестве приложений в упомянутой книге опубликован ряд архивных материалов, освещающих подготовку плавания и частично дополняющих «Записки» Лазарева. Но и после этой публикации в фондах ЦГАВМФ осталось множество документов экспедиции Васильева, все еще не известных исследователям, в том числе и такие, которые представляют значительный интерес для историков и этнографов. Особенно выделяются две рукописи, рассказывающие о пребывании «Открытия» и «Благонамеренного» на Гавайских островах⁴.

Один из этих документов (ф. 213, д. 104, лл. 16—70) написан самим Васильевым, другой (ф. 213, д. 113, лл. 1—15) в архивной описи отнесен к числу сочинений «неустановленных авторов». Путем анализа содержания второй рукописи и сличения ее с образцами почерков участников экспедиции мне удалось установить, что автором этой работы является спутник Васильева на шлюпе «Открытие» лейтенант Р. П. Бойль (1794—1854), впоследствии вице-адмирал.

Оба мореплавателя проявили глубокий интерес к вопросам этнографии. Стремясь возможно полнее обрисовать различные стороны жизни гавайцев, Васильев и Бойль подолгу беседовали через переводчика со многими островитянами, посещали их хижины и плантации, присматривались к местным обычаям и нравам. В результате русским морякам удалось собрать обильный этнографический материал, сохранивший научную ценность до наших дней.

Наиболее подробно описана Васильевым и Бойлем материальная культура гавайцев. В этом отношении их записки, пожалуй, превосходят даже классический труд Ю. Ф. Лисянского, посетившего Гавайские острова в 1804 г.⁵ Так, в обеих найденных рукописях рассказывается о местных способах изготовления циновки и тапы, а также плащей, накидок и шлемов из перьев. Здесь можно найти характеристику лодок гавайцев, их оружия, рыболовных принадлежностей, мужской и женской одежды и домашней утвари. Обращает на себя внимание подробное описание жилища, составленное М. Н. Васильевым (ф. 213, д. 104, лл. 23—24). Характерно, что и он, и Бойль стремились всякий раз точно определить материал, из которого сделан тот или иной предмет, причем старались привести его местное название. В записках Васильева и Бойля перечисляются гавайские продовольственные культуры и сообщается о способах их возделывания. Оба автора останавливаются также на других продовольственных ресурсах архипелага (домашние животные, рыба, съедобные водоросли и т. д.) и рассказывают о местных приемах приготовления пищи, в связи с чем описывают земляную печь (уми).

Васильев и Бойль в основном правильно охарактеризовали общественный строй гавайцев в конце XVIII — начале XIX в., сообщив о наличии на островах раннеклассового общества с уже оформившимися классами-сословиями. В их рукописях подробно описаны наблюдавшиеся в тот период земельные отношения. Верно подмечена социальная сущность системы табу, ее роль как орудия угнетения рядовых островитян. В обеих рукописях содержатся любопытные данные о гавайских свадебных и похоронных обрядах. Особенно интересно составленное Бойлем подробное перечисление обрядов, соблюдавшихся при похоронах вождя (ф. 213, д. 113, л. 8). Это описание отчасти дополняет сообщения других мореплавателей.

Ввиду кратковременности пребывания на Гавайях Васильев и Бойль не смогли сколько-нибудь полно изучить духовную культуру островитян. Но они все же собрали ряд важных сведений о гавайских верованиях. Бойль записал полученную им от коренных жителей информацию о религиозном празднике макахики, игравшем важнейшую роль в жизни островитян; во время этого праздника, отмечавшегося осенью, производился сбор податей в пользу короля и вождей (там же, л. 9).

Ванкувер и Шамиссо обнаружили на Гавайях зачатки драматических представлений. «Сии торжественные игры овагийцев (гавайцев.— Д. Т.),— писал А. Шамиссо,— приводят нас на память хоры греков и их трагедии, существовавшие прежде введения в оные разговоров»⁶. М. Н. Васильев подробно описал эти синкретические представления, во время которых хор излагал какую-нибудь легенду или вспоминал действительно происшедшее событие, а другие участники в танце изображали рассказываемое.

⁴ Этнографический материал имеется также в рукописях М. Н. Васильева, рассказывающих о посещении Камчатки, Сан-Франциско и Уналашки, а также в записке одного из участников экспедиции о природе, истории и населении Старой и Новой Калифорнии (ЦГАВМФ, ф. 213, д. 104, 107, 114, 141).

⁵ Ю. Лисянский, Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах... на корабле «Неве», ч. 1, СПб., 1812 (о пребывании на Гавайях рассказано в VII—IX главах).

⁶ «Наблюдения и замечания естествоиспытателя экспедиции Адальберта Шамиссо», в кн.: О. Коцебу, Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах... на корабле Рюрике, ч. III, СПб., 1823, стр. 311—312.

Интересно, что Васильев, в отличие от упоминавшихся выше мореплавателей, сообщает о наличии в хоре «запевалы», т. е. солиста (ф. 213, д. 104, лл. 54—55).

Стремясь глубже изучить различные стороны жизни гавайцев, Васильев поручил сопровождавшим его офицерам составить русско-гавайский словарь. В этой рукописи также хранящейся в архиве (ф. 213, д. 44, лл. 2—17), дается перевод 767 слов. Для сравнения укажем, что аналогичный словарь Лисянского содержит 202 слова⁷.

Экспедиция М. Н. Васильева посетила Гавайские острова вскоре после смерти Камеамеа I, в разгар «сандаловой лихорадки», принесшей неисчислимые бедствия коренному населению архипелага⁸. Васильев и Бойль с возмущением рассказывают о том, что местные правители, увлеченные возможностью получать у американских торговцев всевозможные товары в обмен на сандал, посылали в горы на заготовку этого драгоценного дерева тысячи островитян, вследствие чего многие поля оставались необработанными. В записках перечисляются и другие формы угнетения рядовых островитян, причем подчеркивается, что их эксплуатация правящим сословием резко возросла после того, как король и вожди начали торговлю с иностранцами. «Народ, т. е. самый нижний класс,— пишет Васильев,— в крайней бедности, беспрепятственно в работе и ничего не имеет» (ф. 213, д. 104, л. 23). Васильев и Бойль сообщают о губительном влиянии на гавайцев спиртных напитков и венерических болезней, занесенных колонизаторами. Они дают уничтожающую характеристику хаоле (иностранцев), поселившихся на островах, указывают, что те развращали островитян, наживаясь за их счет, и бесовски их обманывали.

В ноябре 1819 г. король Лиолио (Камеамеа II) под влиянием своих советников-хаоле, а также матери, стремившейся освободиться от ограничений, налагаемых на женщин гавайской религией, объявил о ниспровержении веры предков, отменил все табу и приказал разрушить храмы и статуи богов. Приверженцы старой религии во главе с Кекуанаоа подняли восстание, которое было подавлено. Сообщая об этих событиях, Васильев и Бойль указывают, что Лиолио победил благодаря поддержке со стороны хаоле, которые в решающий момент снабдили его множеством ружей.

В апреле 1820 г. на Гавайи прибыли первые американские миссионеры. Впоследствии эти церковники и их руководители в Соединенных Штатах утверждали, будто гавайцы, «по воле провидения разбившие своих идолов», с энтузиазмом встретили проповедь христианства и сразу стали поклоняться «истинному богу». На самом деле, как видно из обеих рукописей, Лиолио и его сподвижники отказались от старой веры вовсе не потому, что желали заменить ее новой, а рядовые островитяне тем более не склонны были принимать религию чужеземцев. В письме миссионера Бингхем М. Н. Васильеву от 15 апреля 1821 г., также хранящемся в архиве (ф. 213, д. 116, л. 5), прямо говорится о трудном положении миссии. Лишь через несколько лет, уже при Камеамеа III, гавайская правящая верхушка по политическим соображениям вступила в союз с американскими церковниками и стала насильственно распространять христианство среди коренного населения.

Записки Васильева и Бойля позволяют уточнить некоторые даты. Так, до сих пор оставался неизвестным год рождения Камеамеа I — объединителя Гавайских островов. Одни исследователи называли 1736 г., другие — 1748 г., третьи — 1761 г. Американский проф. Кикендолл, тщательно изучив косвенные данные, высказал мнение, что Камеамеа родился «примерно в 1753 г.»⁹. Бойль, посетивший Гонолулу вскоре после смерти «Наполеона Полинезии» и беседовавший с его ближайшими соратниками, сообщает, что этот выдающийся гавайский правитель умер в мае 1819 г. в возрасте 66 лет (ф. 213, д. 113, л. 13). Таким образом, предположение, высказанное Кикендоллом, получило серьезное подтверждение.

Из сделанного нами краткого обзора видно, что обнаруженные рукописи не могут не заинтересовать специалистов, изучающих историю и этнографию Океании. К сожалению, обе рукописи остались необработанными, а потому вряд ли возможно их полностью опубликовать. Записки Васильева и Бойля засняты на микрофильм, который передан в библиотеку Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде.

⁷ Ю. Лисянский, Указ. раб., ч. 1, стр. 228—236.

⁸ См.: Д. Д. Тумаркин, «Сандаловый бизнес» американских колонизаторов на Гавайских островах (Из истории колониальной политики США в Океании), в кн.: «Страны Юго-Восточной Азии. История и экономика», М., 1959, стр. 148—166.

⁹ R. S. Kuykendall, The Hawaiian Kingdom, 1778—1854, Honolulu, 1938, стр. 429—430.